

— Так вас зовут Хэ Юй? А его как зовут? Чжан Сянтянь... Вы двое живете в 313?

Чжан Сиси слегка склонила голову и улыбнулась. Улыбка была легкой, не затрагивающей глубины души. Если бы Цинь Энь все еще находился здесь или Сюй Сянчэнь знал бы ее истинные намерения, они сразу бы поняли, что она замышляет. Но сейчас их не было рядом, и никто не мог понять, о чем она думает. Ее лицо сияло, словно она искренне извинялась:

— Сегодня действительно извините, я запомнила вас двоих. Обязательно зайду к вам лично, чтобы извиниться, и принесу несколько карт навыка, которые вам точно пригодятся.

— Сколько бы раз ни умирал, все равно пригодятся.

Первый снег ноября. Его мать покончила с собой.

Вечер опустился на город, тусклый и мрачный. В окнах соседних домов зажглись огни, наступило время ужина. В маленьком городке поднимался дымок из труб, мелкие снежинки, словно пух, украшали атмосферу, создавая умиротворение и покой. Она выбрала именно этот мягкий вечер, чтобы уйти. Но перед уходом она всё же разожгла печь — то тепло было оставлено для Чжан Цинье. В комнате было тепло, свет лампы окрашивал лица в румянец, но единственный живой человек оставался один за пределами дома.

По шрамам на теле Чжан Цинье было видно, что при жизни она не была добрым человеком.

Чжан Цинье сидел на пороге, его лицо было бесстрастным. Никакой печали, которую следовало бы ожидать, ни радости. Когда его мать была жива, она часто говорила, что его лицо всегда кажется мрачным, безрадостным, без той детской привлекательности, которая должна быть у ребенка. Маленький Чжан Цинье тоже думал, почему у него никогда не было повода для радости и проявления детской непосредственности. Даже живя на севере, где часто идет снег, он редко видел его. Не видя снега, он не находил повода для радости. Мать никогда не разрешала ему выходить из дома. Единственной игрой, в которую он играл с детства, было прятаться и ждать, пока его найдет обезумевшая мать. Если он проигрывал, она срезала ему ногти ножницами или таскала за волосы по полу, как другие дети катаются с горки, только вместо горки — с второго этажа на первый.

Способ выиграть в игре — не быть найденным.

Но если мать не могла его найти, она садилась на пол и начинала рыдать. Она плакала так горько, одиноко, ее плечи подрагивали. Чжан Цинье знал, что это было проявлением глубокой печали. Он не хотел, чтобы она страдала.

Только такая игра никого не заставила бы смеяться.

Даже она сама не смеялась, не так ли? Она всегда смотрела на своего сына со слезами на глазах.

Первый раз она сошла с ума, когда ему было десять лет. Она разбила все фотографии отца в доме. Спокойная видимость была разрушена, и оба поняли, что этот мужчина действительно пропал уже три года назад. Они никогда не смогут дождаться его возвращения. Она сошла с ума в буквальном смысле, страдая психическим расстройством, то смеясь, то плача. Она порезала себе лицо лезвием, и окровавленное лицо смеялось в полночь. Она сбросила Чжан Цинье с лестницы второго этажа. Маленькое тело мальчика судорожно дергалось на полу, и прошло много времени, прежде чем он смог медленно подняться.

— Мама больше не будет тебя мучить.

Это были единственные слова, которые она оставила перед уходом.

Можно ли простить все причиненные раны?

Чжан Цинье вспомнил, что за все эти годы она не всегда была безумной. Даже если она забыла многое, шрамы на его теле остались, и их нельзя стереть.

Но если их уже нельзя стереть, зачем она оставила ему теплую печь? Он не чувствовал благодарности.

Двенадцатилетний мальчик поднялся и вернулся в комнату, обойдя тело. Он был уже не маленьким, но впервые заметил, что руки матери, когда они не били его, были не такими уж большими.

Чжан Цинье слегка сжал их.

Ощущение руки матери было таким — холод мертвого тела.

Он осторожно забрался в объятия мертвой женщины. Знакомый запах вызвал у него инстинктивный страх, все раны на теле кричали, чтобы он убежал. Но он крепко обнял ее, не отпуская. Он положил голову на ее руки. Он думал, что никогда не прощал никого, кто бросал его или причинял ему боль. Он просто был слишком одинок.

Он лежал так, не зная, сколько времени прошло. Печь погасла, тело начало разлагаться. Пока Чжан Цинье не начал терять сознание, в какой-то момент он почувствовал, что уже слился с трупом. Именно тогда мужчина в черном пальто, словно в самый обычный вечер после работы, открыл дверь.

Возраст мужчины было трудно определить, у него были светло-серые глаза. Черты его лица были похожи на Чжан Цинье, но смягченные, словно отшлифованные. Он был настолько мягким и сияющим, что напоминал изящного кота в лучах полуденного солнца.

Словно не замечая двух мертвых тел на полу, Чжан Жань спокойно повесил пальто, разжег печь и, согрев руки и наполнив комнату живым теплом, нахмурился и произнес:

— Цинье, тебе не холодно лежать на полу?

Голос мужчины был таким же мягким и теплым, как он сам. Чжан Цинье не двигался, словно тоже был мертв. Непонятно, как мужчина понял, что он еще жив, но он продолжил, снисходительно:

— Человек уже мертв, оставлять его здесь бесполезно.

— Сначала встань, сходи помойся, а я пока уберу здесь. Потом дам тебе что-нибудь интересное, хорошо?

Впервые с ним говорили так, как с ребенком. Чжан Жань вернулся. Через неизвестное количество дней после смерти матери этот мужчина, пропавший пять лет назад, вернулся так же спокойно, словно только что ушел. Чжан Цинье сел, хотел спросить, куда пропал его молодой отец, но не смог произнести ни слова, молча смотря на Чжан Жаня.

В Городе Захороненных Костей смерть не была чем-то необычным.

Неважно, умерла ли мать, умер ли Чжан Цинье или этот мягкий мужчина.

Отец и сын похоронили женщину под цветущим деревом, розово-белые цветы капали с ветвей.

Чжан Жань достал из-под дерева глиняный кувшин и поставил его перед Чжан Цинье, улыбаясь. Мужчина улыбался так тепло, словно благородный кот. Он хотел погладить неровно подстриженные волосы мальчика. Лицо ребенка всегда было грязным, и даже со всеми ранами на теле он не позволял прикасаться к себе, словно настороженный котенок, но его выражение всегда оставалось бесстрастным, странно милым.

В кувшине был сверчок.

Чжан Цинье широко раскрыл глаза, его маленький рот слегка приоткрылся, в глазах читалось удивление. Он хотел прикоснуться, но раны на пальцах заживали и снова открывались, кончики покрылись коркой, что резко контрастировало с чистым и сияющим мужчиной. Казалось, что прикосновение к нему осквернит его. Не успев приблизиться, он снова отдернул руку.

Чжан Жань улыбнулся, не стал настаивать и отступил. Он закрыл крышку, улыбаясь еще теплее:

— Сначала помойся, а потом получишь это.

Чжан Цинье сжал губы. Он не хотел вспоминать прошлые переживания в ванной. Мать всегда оставляла ему полжизни, но ощущение удушья, когда вода заполняла нос и глаза, было слишком глубоким.

— Ты боишься?

Чжан Цинье кивнул. Красивые брови мужчины нахмурились, словно он был в замешательстве. Чжан Цинье испугался еще больше. Это был его единственный родственник, и он не хотел, чтобы тот считал его обузой. В момент, когда он уже собирался сдаться, мужчина хлопнул себя по лбу и мягко погладил его по голове:

— Мы можем купить надувной круг.

Маленький мальчик, крепко ухватившись за круг, сидел в ванной. Чжан Жань не только принес круг, но и две маленькие желтые уточки. Чжан Цинье нахмурил свои аккуратные брови, словно столкнулся с чем-то крайне сложным, и уставился на уточек. Он подсознательно чувствовал, что такие милые вещи не должны принадлежать ему. Размышляя слишком долго, вода уже остыла, и он наконец взял уточку в руки.

Слегка сжал, и она запищала, заставив его вздрогнуть и чуть не выпрыгнуть из воды.

Чжан Цинье никогда не игнорировал Сюй Сянчэня. Воспоминания Сюй Сянчэня во многом — это его собственный взгляд на вещи, так было и в прошлой жизни. Но обычно Чжан Цинье не давал Сюй Сянчэню понять, что это он мстит за него. Он считал, что его методы могут отпугнуть Сюй Сянчэня, ха-ха.